

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Научная статья

УДК 94(470.1/22) + 331.2 + 331.5 + 332.14

doi:10.37614/2220-802X.1.2022.75.006

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА РЫНКИ ТРУДА АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ЦИРКУМПОЛЯРНЫХ СТРАН

Елена Анатольевна Корчак

Институт экономических проблем имени Г. П. Лузина Кольского научного центра Российской академии наук, Апатиты, Россия, elenakorchak@mail.ru, ORCID 0000-0002-1032-7184

Аннотация. Пандемия COVID-19 поставила под угрозу безопасность и благополучие человека, обозначила новые требования к функционированию непосредственно определяющих условия жизнедеятельности секторов экономики и социальной сферы и потребовала своевременного осмысления ее последствий в рамках актуализации государственных мер социально-экономической поддержки. Целью настоящего исследования стала оценка влияния современной кризисной ситуации, вызванной пандемией COVID-19, на рынки труда циркумполярных стран. В число задач исследования вошли: анализ последствий пандемии COVID-19 для экономик циркумполярных стран, анализ правительственных мер по смягчению ее социально-экономических последствий, анализ показателей занятости и безработицы в 2019–2020 гг. и обоснование роли государства в снижении социальной напряженности на арктических рынках труда. В качестве объекта исследования выбраны рынки труда регионов, территории которых полностью отнесены к Арктической зоне РФ (АЗРФ), а также арктические территории Канады, США, Норвегии, Финляндии и Швеции. В результате исследования определено, что наибольший спад экономической активности наблюдался в ориентированных на потребительский спрос секторах экономики. Выявлено, что негативное влияние на рынки труда оказало снижение числа субъектов малого и среднего предпринимательства и индивидуальных предпринимателей. Научная новизна исследования определяется специальной оценкой совокупной степени влияния пандемии COVID-19 и правительственных мер по ограничению ее распространения на показатели занятости и безработицы, идентифицирующие тренды на арктических рынках труда. Практическая значимость исследования состоит в том, что его основные выводы направлены на актуализацию мер регулирования занятости на рынках труда российской Арктики. Перспективность дальнейших исследований определяется долгосрочным характером последствий пандемии COVID-19 для арктических экономик и формированием соответствующих предложений и рекомендаций по адаптации рынков труда российской Арктики к возникшей ситуации.

Ключевые слова: Арктика, COVID-19, рынок труда, безработица

Благодарности: публикация базируется на результатах выполнения государственного задания Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук» в части проведения научно-исследовательских работ Института экономических проблем имени Г. П. Лузина по теме АААА-А18-118051590115-9 «Социальные аспекты управления саморазвитием регионов и местных сообществ в Российской Арктике».

Для цитирования: Корчак Е. А. Влияние пандемии COVID-19 на рынки труда арктических территорий циркумполярных стран // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2022. № 1. С. 72–83. doi:10.37614/2220-802X.1.2022.75.006

SOCIAL ASPECTS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGION

Original article

IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON LABOR MARKETS OF ARCTIC TERRITORIES OF CIRCUMPOLAR COUNTRIES

Elena A. Korchak

Lusin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Science, Apatity, Russia, elenakorchak@mail.ru, ORCID 0000-0002-1032-7184

Abstract. The COVID-19 pandemic has threatened human safety and well-being, has outlined new requirements for the functioning of sectors of the economy and social sphere that directly determine the conditions of life, and has required timely comprehension of the COVID-19 pandemic consequences as part of updating the measures of social and economic support. Assessing the impact of the current crisis situation caused by the COVID-19 pandemic on the labor markets of circumpolar countries was the purpose of this study. The objectives of the study included an analysis of the effects of the COVID-19 pandemic on the economies of circumpolar countries, an analysis of governmental measures to mitigate the socio-economic consequences of the COVID-19 pandemic, an analysis of employment and unemployment rates in 2019–2020, and a rationale for the role of government in reducing social tensions in Arctic labor markets. The labor markets of regions whose territories

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

are fully attributed to the Russian Arctic, as well as labor markets of the Arctic territories of Canada, the United States, Norway, Finland and Sweden were the object of this study. As a result of the study, it was determined that the greatest decline was observed in consumer demand-oriented sectors of the economy. It has been revealed that the labor markets have been negatively affected by the decline in the number of small and medium-sized businesses and individual entrepreneurs. The scientific novelty of the study is determined by a special assessment of the cumulative impact of the COVID-19 pandemic and governmental measures to limit its spread on employment and unemployment indicators that identify trends in Arctic labor markets. The practical significance of the study lies in the fact that its main conclusions are aimed at updating the measures of employment regulation in the labor markets of the Russian Arctic. The prospects for further research are determined by the long-term nature of the consequences of the COVID-19 pandemic for the Arctic economies and the formation of appropriate proposals and recommendations for adapting labor markets in the Russian Arctic to the emerging situation.

Keywords: Arctic, COVID-19, labor market, unemployment

Acknowledgments: the publication is based on the results of the state assignment on the topic of the research of the Lusin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Science work AAAA-A18-118051590115-9 “Social Aspects of Self-development Management of Regions and Local Communities in the Russian Arctic”.

For citation: Korchak E. A. Impact of the COVID-19 pandemic on labor markets of Arctic territories of circumpolar countries. Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo porjadka [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2022, no. 1, pp. 72–83. doi:10.37614/2220-802X.1.2022.75.006

Постановка проблемы

Актуальность темы исследования влияния пандемии COVID-19 на территориальные социально-экономические системы Арктики определяется долгосрочным характером ее последствий для экономики и социальной сферы. В этом аспекте перед странами по-прежнему остро стоят вопросы эффективности и своевременности актуализации управленческой практики — реализуемых в целях локализации последствий высшей степени развития эпидемических процессов, стремительного распространения варианта омикрон, в том числе в условиях современных обострений международной ситуации, в совокупности продуцирующих риски снижения загрузки производственных мощностей, сокращения объемов производства, прекращения хозяйственной деятельности, сокращения прибыли, и, соответственно, проявления негативных трендов на арктических рынках труда, в большинстве своем являющихся ресурсными базами обеспечения национальных интересов.

Степень разработанности проблемы

Применительно к арктической специфике исследования влияния пандемии COVID-19 на территориальные социально-экономические системы среди как отечественных, так и зарубежных ученых на сегодняшний день единичны и касаются актуальных вопросов ее воздействия на арктические экономики [1–5], медико-демографическую ситуацию [6, 7] и социологические оценки населением изменения жизненных установок [8], а также анализа государственных мер поддержки бизнеса в период пандемии [9, 10]. Место настоящего исследования, результаты которого представлены в данной статье, в числе вышеобозначенных исследований определяется необходимостью оперативного анализа влияния последствий

пандемии COVID-19 на арктические рынки труда. Таким образом, целью исследования стала оценка влияния современной кризисной ситуации, вызванной пандемией COVID-19, на арктические рынки труда циркумполярных стран, в том числе в рамках обоснования роли государства в регулировании ситуации на рынках труда арктических регионов. Научная новизна исследования определяется специальной оценкой совокупной степени влияния пандемии COVID-19 на арктические экономики циркумполярных стран и правительственных мер по ограничению ее распространения на показатели занятости и безработицы, идентифицирующие тренды на арктических рынках труда России и зарубежных северных стран.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, сравнения и обобщения. Для реализации поставленных целей и задач использованы системный подход, статистические методы анализа, динамический и сравнительный анализы. Информационную базу составили официальные данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики России по Мурманской области и Департамента труда и развития трудовых ресурсов штата Аляска, статистические данные Арктикстата и Статистического управления Канады, данные Службы занятости по Мурманской области, а также нормативные правовые документы государственных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления циркумполярных стран.

Результаты и обсуждение

В 2020 г. пандемия COVID-19 вызвала, безусловно, крупнейший шок для мировых экономик, поставив под угрозу здоровье, рабочие места и доходы

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

населения. Жесткие меры, принятые многими странами в 2020 г. в ответ на рост распространения инфекции, существенно ограничили большинство видов экономической деятельности и социальной сферы. Уязвимыми к последствиям пандемии COVID-19 оказались арктические территории циркумполярных стран (из-за недостаточной инфраструктуры общественного здравоохранения, монопрофильности локальных экономик, ограниченных возможностей ведения малого предпринимательства, гендерного обособления отдельных видов экономической деятельности, слабой транспортно-логистической инфраструктуры, суровых природно-климатических условий).

Последствия пандемии COVID-19 в экономиках циркумполярных стран. В Канаде на пике первой волны пандемии COVID-19 валовый внутренний продукт (ВВП) снизился на 12 %, половина компаний заявила о снижении более чем на 20 % собственных доходов; реальный объем производства в малом бизнесе снизился на 2,1 %¹, что негативно повлияло на занятость 5,5 млн работников [11]. Наиболее слабые экономические перспективы сложились на Северо-Западных территориях [12], прогнозируемое сокращение валового регионального продукта (ВРП) которых в 2020 г. составило 7,6 %. В числе наиболее пострадавших отраслей арктических провинций Канады оказались туризм и гостиничный бизнес: в Юконе общая выручка предприятий общественного питания снизилась на 17,5 %; на Северо-Западных территориях снижение доходов в секторе туризма составило 76 %, при этом 77 % туроператоров были вынуждены временно закрыться, 3 % — закрылись навсегда, а 36 % турфирм сократили собственный штат [13]. В Нунавуте более чем в два раза снизились доходы у четверти туристических операторов, более 40 % уволили персонал (заполняемость местных гостиниц составила 10 %) [12].

В Финляндии снижение ВВП в 2020 г. (второй квартал) составило 16,4 % [14], снижение стоимости финского товарного экспорта — 17 % [15, с. 658]. Объем грузовых авиаперевозок в марте 2020 г. снизился на 26,3 %, в апреле — на 59,3 %, в мае — на 49,4 % [3, с. 8315]. Дефицит государственного бюджета увеличился с 0,3 % в 2019 г. до 1,9 % в 2020 г.; финансовый объем общих антиковидных мер составил 2,6 % ВВП². Общий спрос на туризм снизился на 60 %. Наиболее всего пострадали субъекты малого

и среднего предпринимательства (далее — МСП), большую долю занятости в котором создавали женщины и молодежь.

С начала пандемии COVID-19 ВВП Норвегии снизился более чем на 6 % (август 2020 г.)³; прогнозируемое снижение налоговых поступлений в 2020 г. составило более 59 млрд норвежских крон [16, с. 669]. Значительный рост цен на рынке жилья в период пандемии COVID-19 вызвал рост кредитования домашних хозяйств⁴; зарегистрированные убытки по кредитам превысили уровень времен банковского кризиса 1990-х гг.

Объем ВВП Швеции снизился в 2020 г. (второй квартал) на 8,6 % (самое большое снижение с 1980 г.); резко сократилось валовое накопление основного капитала. Направленные на снижение распространения инфекции ограничения и связанные с ними изменения в поведенческих моделях привели к резкому падению потребления домашних хозяйств; резко снизились объемы потребления гостиничных, ресторанных и туристических услуг, а также культурных и спортивных мероприятий [17]. Так, в мае 2020 г. наполняемость гостиниц составила 19,1 % (в мае 2019 г. — 63,4 %); пассажиропоток в сфере авиаперевозок оказался на 93,7 % меньше мая 2019 г. [4, с. 198–199].

Валовый региональный продукт Аляски в период первой волны пандемии COVID-19 снизился на 9 %. Наиболее пострадала отрасль туризма: уровень доходов снизился на 71 % (102 млн долл. США). Доходы железнодорожной корпорации Аляски снизились на 34 млн долл. США, доходы от налога на коммерческие пассажирские суда — на 23 млн долл. США. Серьезные убытки понесли предприятия рыбодобычи, а также авиаперевозки. Муниципальные бюджеты в связи с ухудшением ситуации в сфере туризма также понесли потери: объем недополученных доходов составил 31 млн долл. США (76 %) [18].

Пандемия COVID-19 оказала негативное влияние на экономику российской Арктики: в Ненецком АО индекс промышленного производства⁵ в декабре 2020 г. составил 87,4 % к декабрю 2019 г. (в том числе в добыче полезных ископаемых — 87,3 %, в обрабатывающих производствах — 87,4 %); в Мурманской области — 98,2 %. Индекс физического объема платных услуг населению в Чукотском АО в этот период составил 79,1 % (индекс физического

¹ Economic Impact of the COVID-19 Pandemic on Canadian Businesses across Firm Size Classes. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/pub/11-626-x/11-626-x2020017-eng.pdf?st=jfTzaRr> (дата обращения: 11.08.2021).

² The economic context of Finland. URL: <https://www.nordeatrade.com/en/explore-new-market/finland/economical-context> (дата обращения: 11.08.2021).

³ Norway's Economy Suffered Record Contraction in Covid Crisis. URL: <https://www.bloomberquint.com/global-economics/norway-s-economy-shrank-6-3-last-quarter-amid-covid-lockdown> (дата обращения: 04.07.2021).

shrank-6-3-last-quarter-amid-covid-lockdown (дата обращения: 04.07.2021).

⁴ Risk Outlook — June 2021. URL: <https://www.finanstilsynet.no/en/news-archive/press-releases/2021/risk-outlook-june-2021/> (дата обращения: 18.09.2021).

⁵ ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 17.06.2021).

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

объема оборота розничной торговли — 99,9 %), в Ямало-Ненецком АО — 83,1 % (95,8 %), в Ненецком АО — 89,1 % (98,2 %), в Мурманской области — 90 % (96,6 %). В связи с пандемией COVID-19 в Чукотском АО не было остановлено ни одно производство, тем не менее ограничительные меры привели к снижению объема туристского потока на территории округа и отмене круизной навигации для иностранных пассажиров⁶. Объем туристических услуг в Ямало-Ненецком АО в 2020 г. снизился на 30 %. В Мурманской области численность работников организаций МСП в 2020 г. составила 83,8 % уровня 2019 г.; оборот — 83,5 % (сегодня около 25 % рабочих мест в регионе приходится на субъекты МСП). Часть индивидуальных предпринимателей (далее — ИП) перерегистрировались в самозанятые, оставшись в сфере МСП; число организаций МСП в 2020 г. в регионе снизилось на 6 % (прекратили свою деятельность 2,9 тыс. ИП и 214 малых предприятий)⁷.

Правительственные меры циркумполярных стран по смягчению социально-экономических последствий пандемии COVID-19. В целях смягчения последствий пандемии COVID-19 в Канаде был принят COVID-19 Emergency Response Act⁸ и внедрен Canada's COVID-19 Economic Response Plan⁹, включившие меры поддержки физических лиц (дополнительные пособия по восстановлению переболевшим коронавирусной инфекцией, отсрочка платежей по ипотеке, подлежащий возврату налоговый кредит для малообеспеченных категорий работников и малоимущих домохозяйств, единовременная выплата пенсионерам по старости, отмена процентов по образовательным кредитам и т. д.), финансовую поддержку бизнеса (в том числе субсидии для покрытия части расходов на коммерческую аренду, низкопроцентные кредиты для наиболее пострадавших от пандемии COVID-19 предприятий, дополнительную поддержку аэрокосмического и энергетического секторов экономики, сельского хозяйства и агропродовольственной деятельности, аквакультуры и рыболовства, культуры и спорта, туризма,

пассажирских перевозок), поддержку самозанятых физических лиц и субъектов МСП коренных народов. В Юконе дополнительно была внедрена The Yukon Business Relief Program (YBRP)¹⁰, в рамках которой пострадавшему от пандемии COVID-19 бизнесу был предложен беспроцентный кредит до 100 тыс. долл. США, а также представлена финансовая поддержка организациям, осуществляющим деятельность в сфере ухода за детьми (на покупку техники и изделий медицинского назначения в целях ограничения распространения коронавирусной инфекции). На Северо-Западных территориях была внедрена программа The Pandemic Relief Extension Program (PREP)¹¹, оказывающая поддержку лицензированным туроператорам.

В Финляндии в целях поддержки бизнеса в Act on Support for Business Costs¹² были внесены изменения, направленные на повышение гибкости предоставления помощи ИП и малым предприятиям, а также на создание новой формы помощи — компенсации для предприятий, закрытых в связи с пандемией COVID-19. Субъектам МСП был предложен кредит RDI для финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) — для модернизации продуктов, услуг, производственных мощностей — в размере 100–500 тыс. евро на 7–10 лет¹³. Центрами экономического развития, транспорта и окружающей среды (ELY)¹⁴ были предложены временная поддержка предприятий общественного питания (возмещение расходов за аренду, жилищно-коммунальные услуги и на оплату труда), временная помощь сельским предприятиям в связи с финансовыми трудностями, вызванными пандемией COVID-19 (5–10 тыс. евро), гранты (2–8 тыс. евро) предприятиям первичного сельскохозяйственного производства, гранты рыбакам и коммерческим предприятиям, занимающимся рыбоводством, переработкой и розничной или оптовой торговлей рыбой (2–120 тыс. евро). Центром содействия развитию искусств Финляндии были предоставлены гранты для частных

⁶ Доклад «Состояние и развитие конкурентной среды на рынках товаров, работ и услуг Чукотского автономного округа в 2020 году». URL: https://invest-chukotka.ru/download/kokurencia/doklad/EN/87_%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%B7%D0%B0%202020%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%20%D0%A7%D1%83%D0%BA%D0%BE%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%90%D0%9E.docx (дата обращения: 14.10.2021).

⁷ Эксперты: малый бизнес смог выжить в пандемию, но говорить о полном восстановлении рано. URL: <https://deloros.ru/eksperty-malyj-biznes-smog-vyzhit-v-pandemiyu-no-govorit-o-polnom-vosstanovlenii-rano.html>.

⁸ COVID-19 Emergency Response Act. URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/annualstatutes/2020_5/ (дата обращения: 06.06.2021).

⁹ Canada's COVID-19 Economic Response Plan. URL: <https://www.canada.ca/en/department-finance/economic-response-plan.html> (дата обращения: 14.10.2021).

¹⁰ The Yukon Business Relief Program (YBRP). URL: <https://yukon.ca/en/yukon-business-relief-program> (дата обращения: 14.10.2021).

¹¹ The Pandemic Relief Extension Program (PREP). URL: <https://www.iti.gov.nt.ca/en/services/pandemic-relief-extension-program-prep> (дата обращения: 14.10.2021).

¹² Act and Decree on Support for Business Costs approved: 368 eligible business sectors. URL: <https://tem.fi/en/-/act-and-decree-on-support-for-business-costs-approved-368-eligible-business-sectors> (дата обращения: 05.11.2021).

¹³ RDI loans in disruptive circumstances. URL: <https://www.businessfinland.fi/en/for-finnish-customers/services/funding/rdi-loans-in-disruptive-circumstances> (дата обращения: 18.11.2021).

¹⁴ COVID-19 AND TEAM FINLAND NETWORK SERVICES. URL: <https://www.teamfinland.fi/en/services-for-companies/corona> (дата обращения: 18.11.2021).

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

лиц (фрилансеров, профессиональных художников и т. п.) в размере 6 тыс. евро и для ИП (8–12 тыс. евро). Общая сумма поддержки (на июнь 2021 г.) составила 43 млн евро, число бенефициаров — 9,5 тыс. чел.¹⁵.

Для борьбы с последствиями пандемии COVID-19 в Норвегии был внедрен пакет мер стоимостью 4,5 млрд норвежских крон (440 млн евро), часть которого была предназначена для субсидий предпринимателям и развивающимся компаниям: гранты на развитие малых и средних предприятий, обладающих большим рыночным потенциалом; гранты предпринимателям и начинающим компаниям с инновационными бизнес-идеями, обладающим потенциалом рынка и роста, но имеющим ограниченный доступ к капиталу¹⁶. Помимо этого, были предоставлены государственные гарантии по кредитам МСП (до 90 % по кредитам, выданным до 1 июня 2020 г.); субсидии операторам коммерческих автобусных и пассажирских морских маршрутов и объектам туристической индустрии и культуры; временное снижение размеров взносов работодателей на социальное страхование.

В Швеции¹⁷ в число мер государственной поддержки для нивелирования последствий пандемии COVID-19 вошли: отсрочка налоговых платежей; финансовая поддержка компаний на первых этапах кризиса, вызванного пандемией COVID-19, в целях адаптации их деловой активности к условиям быстро меняющегося рынка труда (максимальная сумма — 30 млн шведских крон; на покрытие до 70 % постоянных затрат для малых компаний — до 90 %); субсидии торговым компаниям; компенсация арендной платы (до 50 %) предприятиям гостиничного, ресторанного комплексов и сферы розничной торговли; временное снижение взносов работодателей на социальное страхование; субсидии ИП (до 120 тыс. шведских крон).

В США¹⁸ в целях ослабления воздействия последствий пандемии COVID-19 на общество был принят The Coronavirus Aid, Relief, and Economic Security (CARES) — закон, закрепивший федеральный пакет мер по стимулированию экономики, включивший в том числе денежную поддержку попавшим в трудную жизненную ситуацию домохозяйствам (до 1200 долл. США), возмещение расходов на похороны умершим от COVID-19, запрет на выселение и чрезвычайные меры защиты для

арендаторов жилья, в том числе отмену штрафов за просрочку арендной платы и отключение коммунальных услуг, дополнительные выплаты по безработице и в случае приостановки работы объектам малого предпринимательства и ИП, продление сроков уплаты налоговых платежей, льготные кредитные линии на покрытие постоянных расходов пострадавшим от пандемии COVID-19 субъектам МСП и ИП.

В России [9, с. 58–62] на федеральном уровне были внедрены отсрочки по налогам и страховым взносам, прямые выплаты из федерального бюджета и льготное кредитование субъектов МСП в наиболее пострадавших от пандемии COVID-19 отраслях, арендные каникулы, снижение эквайринговых комиссий при онлайн-продаже товаров, поддержка поставщиков по госконтрактам, застройщиков и туроператоров. Банками Российской Федерации была проведена реструктуризация 2,2 млн кредитных договоров граждан (на сумму 1047,9 млрд руб.), а также 110,1 тыс. кредитных договоров субъектов МСП¹⁹. На дополнительную поддержку граждан было направлено 2,5 трлн руб.; на поддержку семей с детьми — 600 млрд руб. Среди таких мер поддержки — 5 тыс. руб. на каждого ребенка в возрасте до трех лет и единовременная выплата в размере 10 тыс. руб. для семей с детьми от 3 до 16 лет (апрель — июнь 2020 г.); выплата в размере 10 тыс. руб. семьям с детьми в возрасте до 16 лет (июнь 2020 г.); доплаты зарегистрированным безработным в размере 3 тыс. руб. на каждого ребенка в возрасте до 18 лет (апрель 2020 г.); выплата в размере 3 тыс. руб. безработным родителям, имеющим ребенка младше 18 лет (сентябрь 2020 г.)²⁰. Дополнительные меры были введены и на региональном уровне. В Ненецком АО в число таких мер вошел кредитный продукт «Антикризисные меры — 2020» (заем под 2 % на неотложные нужды в условиях распространения пандемии COVID-19), предоставляемый Фондом поддержки предпринимательства. В Мурманской области — целевые субсидии субъектам МСП и ИП на поддержку занятости и компенсацию затрат по выплате заработной платы, антикризисные займы субъектам МСП наиболее пострадавших от пандемии COVID-19 отраслей, губернаторский стартап, специальный налоговый режим для самозанятых. В Ямало-Ненецком АО в число таких мер вошла отмена

¹⁵ Grant for artists, professionals and solo-self-employed in the culture and creative arts sector. URL: https://static.eurofound.europa.eu/covid19db/cases/FI-2020-14_1818.html (дата обращения: 18.11.2021).

¹⁶ New measures for entrepreneurs and growth companies. URL: https://static.eurofound.europa.eu/covid19db/cases/NO-2020-13_1211.html (дата обращения: 14.11.2021).

¹⁷ Increased loan facilities and credit guarantees for Swedish businesses. URL: https://static.eurofound.europa.eu/covid19db/cases/SE-2020-13_740.html (дата обращения: 14.11.2021).

¹⁸ COVID-19 Laws and Legal Resources. URL: <https://www.justia.com/covid-19/> (дата обращения: 18.11.2021).

¹⁹ Коронавирус: меры поддержки граждан и бизнеса. URL: <https://www.cbr.ru/covid/> (дата обращения: 19.02.2022).

²⁰ На поддержку россиян во время пандемии направили свыше 2,5 трлн рублей. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11349039> (дата обращения: 12.05.2021).

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

транспортного налога для субъектов МСП в сфере транспортировки и хранения, а также налога на имущество и арендной платы для предприятий из перечня отраслей, наиболее пострадавших от пандемии COVID-19, прямые выплаты социально ориентированному бизнесу и предприятиям общественного питания. В Чукотском АО в спектр региональных мер поддержки вошли специальный микрозаём для предприятий пассажирского и грузового воздушного транспорта, туризма, предоставления гостиничных и бытовых услуг, общественного питания, здравоохранения, образования, культуры, индустрии развлечений, физической культуры и спорта, льготные микрозаймы субъектам МСП (предоставляемые региональной микрокредитной корпорацией) и гранты начинающим в сфере производства предпринимателям.

Арктические рынки труда циркумполярных стран в условиях пандемии COVID-19: итоги 2020 г. Предпринятые циркумполярными странами меры по смягчению социально-экономических последствий пандемии COVID-19 в целом позволили сдержать снижение уровня жизни, тем не менее не удалось избежать роста социальной напряженности на арктических рынках труда.

В Канаде вызванные пандемией COVID-19 экономические сдвиги оказали отрицательное влияние на спрос и предложение труда: в марте — апреле 2020 г. было ликвидировано около 3 млн рабочих мест (более половины потерь рабочих мест пришлось на низкооплачиваемую занятость [19, с. 57]), уровень занятости молодежи снизился на 30 %, уровень безработицы вырос в два раза (среди женщин — с 5,4 до 14 %) ²¹. Предприятия Северо-Западных территорий были вынуждены уволить 2,5 тыс. чел., а 2,6 тыс. перевести в режим частичной занятости [13]. Прогнозное снижение уровня занятости в 2020 г. на Северо-Западных территориях составило 3,4 %, в том числе в сфере услуг — 24,7 %. В среднем по арктическим территориям Канады уровень безработицы в декабре 2019 г. — июле 2020 г. увеличился на 43,6 %. Пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на молодежную безработицу: в годовом исчислении уровень безработицы среди молодежи в июле 2019 г. — июле 2020 г. здесь вырос с 14,6 до 26,9 %, в том числе среди мужчин — с 18 до

31 %, среди женщин — с 10,9 до 22 % ²². В среднем за 2020 г. уровень безработицы в Юконе составил 5,2 % (3,6 % в 2019 г.), в Нунавуте — 14% (13,4 %), на Северо-Западных территориях — 8,4 % (8,2 %) ²³.

В Финляндии значимый удар пандемия COVID-19 нанесла по низкооплачиваемой занятости и работникам с низкой квалификацией в сфере услуг (где величина заработной платы в среднем на 5–20 % ниже средней по стране). В феврале — ноябре 2020 г. 24,4 тыс. чел. стали безработными, взрывной рост безработицы был зафиксирован в марте — апреле 2020 г.; временное увольнение получили 39,2 тыс. чел. ²⁴; усугубилась долгосрочная безработица. Уровень занятости среди женщин сократился на 4 %. Особенно пострадала молодежь: в мае 2019 г. — мае 2020 г. уровень молодежной занятости (в возрасте 15–24 лет) снизился в пять раз. В Кайнуу уровень безработицы в июне 2020 г. вырос на 3,1 %, по сравнению с этим же периодом прошлого года, и составил 13,5 % (при этом количество новых вакансий в этот период увеличилось на 10 %). Вспышка пандемии COVID-19 весной 2020 г. вызвала значительный всплеск уровня безработицы в Северной Остроботнии (на 40 % в январе — июле 2020 г.) ²⁵. В Лапландии в 2020 г. рост безработицы составил 35 %. В среднем по Финляндии в 2020 г. уровень безработицы составил 7,9 % (6,8 % в 2019 г.).

В разгар пандемии COVID-19 в Норвегии ²⁶ уровень безработицы в туристическом и транспортном секторах вырос в четыре раза, в секторе услуг — в 2,4 раза. В Тромсё закрытие гостиниц, баров и ресторанов оказало огромное влияние на безработицу в сфере путешествий и транспорта (рост составил 367 %) [20]. Пик роста безработицы в стране пришелся на третий квартал 2020 г.; в 2019–2020 гг. рост безработицы женщин составил 26,5 %; в возрастной группе 15–24 года уровень безработицы увеличился на 16 %, в группе 25–54 года — на 25 %, в группе 55–74 лет — на 47 % [21].

В Швеции пик безработицы пришелся на июнь — август 2020 г. В мае — июне 2020 г. [22] уровень безработицы в Швеции в возрастной группе 15–24 года вырос на 18,9 %, 25–34 года — на 37,7 %, 55–64 года — на 3,5 %, 35–44 года — на 3,2 %, 45–54 года —

²¹ Canada's labor market: rebound, recuperation and restructuring. URL: <https://www.bankofcanada.ca/2021/02/canadas-labour-market-rebound-recuperation-and-restructuring/> (дата обращения: 21.11.2021).

²² Labour Market Bulletin — Northwest Territories, Nunavut and Yukon: July 2020. URL: https://www.jobbank.gc.ca/content_pieces-eng.do?cid=16562 (дата обращения: 21.11.2021).

²³ Statista. URL: <https://www.statista.com/> (дата обращения: 17.12.2021).

²⁴ Weekly number of job losses and temporary layoffs due to the coronavirus outbreak in Finland from March to November 2020. URL:

<https://www.statista.com/statistics/1111547/coronavirus-impact-on-job-losses-and-temporary-layoffs-in-finland/> (дата обращения: 07.07.2021).

²⁵ Labour market information. URL: <https://ec.europa.eu/eures/main> (дата обращения: 07.07.2021).

²⁶ Норвегия: «синяя экономика» как ключ к хозяйственному восстановлению после пандемии. URL: <https://www.imemo.ru/special-rubrics/coronavirus-pandemic/text/norvegiya-sinyaya-ekonomika-kak-klyuch-k-hozyaystvennomu-vosstanovleniyu-posle-pandemii> (дата обращения: 15.08.2021).

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

на 1,9 %. Уровень занятости в туристическом секторе Швеции сократился на 79 % в 2020 г. (потеря рабочих мест составила 27,8 тыс. ед.). Наибольшее количество увольнений было зафиксировано также в сферах автомобилестроения, недвижимости, гостиниц и ресторанов: во втором квартале 2020 г. уровень занятости в транспортном секторе снизился на 13,5 %, в гостиничном и ресторанном бизнесе — на 20,8 %. Среди возрастных групп больше всего уровень занятости снизился среди молодежи в возрасте 15–24 лет — на 13,8 %; в первом полугодии 2020 г. уровень безработицы среди молодежи вырос на 7,2 %, составив 27,7 %.

В сентябре 2019 г. — сентябре 2020 г. количество рабочих мест на Аляске снизилось на 37,6 тыс. ед.²⁷

(число рабочих мест в Анкоридже снизилось на 8,8 %, в боро Норт-Слоуп и Нортвэст-Арктик — на 16,7 % [23]); в 13 раз увеличилось число обращений за пособием по безработице²⁸. В нефтяной и газовой промышленности число рабочих мест снизилось на 30 %²⁹. Уровень занятости в сфере туризма сократился на 79 % (на 27,8 тыс. рабочих мест). За 2020 г. на Аляске в сфере розничной торговли число рабочих мест сократилось на 6 %, в строительстве — на 8 %.

Пандемия COVID-19 негативным образом сказалась на ситуации на территориальных рынках труда российской Арктики (табл. 1).

Таблица 1

Уровень безработицы (по методологии Международной организации труда) в регионах российской Арктики, 2019, 2020 гг. (поквартально), %

Регион	2019 г.	2020 г.	2020 : 1	2020 : 2	2020 : 3	2020 : 4
Ненецкий АО	7,9	8,8	8,1	9,4	9,0	8,5
Мурманская область	5,4	7,7	6,6	8,2	8,5	7,6
Ямало-Ненецкий АО	1,9	2,4	1,8	2,4	2,6	2,6
Чукотский АО	3,8	4,4	5,2	4,6	4,7	3,2
В среднем по России	4,6	5,8	4,6	6,0	6,3	6,1

Примечание. Источник: ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 17.06.2021).

В Ненецком АО³⁰ пик общей безработицы пришелся на второй квартал 2020 г. (9,4 %), уровень регистрируемой безработицы — на октябрь 2020 г. (3,7 %). На 1 декабря 2020 г. уровень регистрируемой безработицы в регионе составил 2,8 % (на 1 декабря 2019 г. — 1,6 %); коэффициент напряженности — 0,9 (0,7)³¹. В 2019–2020 гг. рост уровня общей безработицы составил 11,4 % (среди мужчин — на 3,7 %, среди женщин — на 28 %). Самый высокий уровень безработицы в регионе сложился в удаленных оленеводческих поселениях: в Хорей-Верском (4,5 %; 51,2 % населения сельсовета составляет коренное малочисленное население, из

них 22,4 % — кочевое) и в Хоседа-Хардском (4,6 %; 54,6 %, 14,3 %) сельсоветах³².

В Ямало-Ненецком АО в 2020 г. было признано безработными 12,2 тыс. чел. (5,5 тыс. чел. в 2019 г.); в апреле 2020 г. уровень регистрируемой безработицы в округе составил 0,68 %, в июле — 2,11 %, в сентябре — 2,28 %³³. Коэффициент напряженности на окружном рынке труда в 2020 г. составил 0,61 (в 2019 г. — 0,22): в Шурышкарском районе на одну заявленную вакансию пришлось 197 безработных граждан, в Надымском — 161 (в районе численность официально зарегистрированных безработных увеличилась в 3,9 раза, социальная напряженность на

²⁷ The Cloudy COVID-19 Economy. URL: <https://www.akbizmag.com/covid-19/the-cloudy-covid-19-economy/> (дата обращения: 15.08.2021).

²⁸ Alaska Economic Update. URL: <https://www.alaskanomics.com/> (дата обращения: 15.08.2021).

²⁹ 2020 Year in Review: Pandemic upends Alaskan economy. URL: <https://www.alaskajournal.com/2020-12-16/2020-year-review-pandemic-upends-alaskan-economy/> (дата обращения: 14.07.2021).

³⁰ Здесь и далее представлены не все муниципальные образования регионов АЗРФ в силу отсутствия официальных данных органов местного самоуправления и территориальных органов Федеральной службы государственной статистики.

³¹ Аналитические материалы. 2020. URL: <https://medsoc.adm-nao.ru/zanyatost/sodejstvie-zanyatosti-naseleniya/analiticheskie-materialy/2020/> (дата обращения: 09.12.2021).

³² Центр занятости населения Ненецкого автономного округа. URL: <https://nao-czn.ru/> (09.12.2021).

³³ Краткий анализ ситуации на регистрируемом рынке труда Ямало-Ненецкого автономного округа за 2020 год. URL: <https://rabota.yanao.ru/Documents/Detail/3c05c75d-65a6-4f58-9530-e91935546f50/> (дата обращения: 05.12.2021).

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

рынке труда — в 4,1 раза, уровень зарегистрированной безработицы — в 4 раза³⁴). В целом рост уровня общей безработицы в Ямало-Ненецком АО в 2019–2020 гг. составил 26,3 %. Региональные меры поддержки субъектов МСП помогли сохранить порядка 3,5 тыс. рабочих мест³⁵.

В 2019–2020 гг. в Мурманской области численность официально зарегистрированных безработных граждан увеличилась в 1,6 раза; за содействием в трудоустройстве в службы занятости обратилось на 41 % больше людей, чем за аналогичный период прошлого года (уровень трудоустройства составил 47 % против 54 % в 2019 г.)³⁶. Уровень безработицы в 2019–2020 гг. увеличился на 42,6 %, в том числе среди мужчин — на 37,1 %, среди женщин — на 84,8 %, молодежи в возрасте 16–29 лет — на 92,3 %. В областном центре — городе Мурманске — уровень регистрируемой безработицы вырос с 1 до 2,7 %, в Кандалакшском районе — с 3,1 до 3,7 %, в Терском районе — с 9,9 до 10,5 %.

В Чукотском АО в 2019–2020 гг. уровень безработицы вырос на 15,8 % (пик пришелся на первый квартал 2020 г. — 5,2 %); уровень регистрируемой безработицы вырос на 5 %. На фоне снижения безработицы женщин (с 2,5 до 2,3 %), уровень безработицы мужчин увеличился с 4,9 до 6,3 %; в возрастной группе 40–49 лет уровень безработицы в этот период снизился в 5,3 раза, в возрастной группе 30–39 лет — увеличился на 31,4 %.

Характеристики экономического пространства арктических территорий Канады и российской Арктики в целом обеспечили специфическую реакцию [1] на развитие кризиса, вызванного пандемией COVID-19 [2, с. 41], поскольку арктические экономики этих стран базируются на эксплуатации природных ресурсов. Значительный вклад в повышение социальной напряженности на арктических рынках труда циркумполярных стран внесла сфера малого и среднего предпринимательства.

Роль государства в снижении социальной напряженности на рынках труда российской Арктики. Пандемия COVID-19 углубила одну из основных угроз национальной безопасности России и доковидного периода — проблему безработицы в Арктике: в очередной раз актуализировались роль государства на арктических рынках труда и необходимость применения долгосрочных

инструментов в повышении эффективности государственной политики занятости. На наш взгляд, решение проблемы безработицы в арктических регионах связано, прежде всего, с системным решением проблемы соответствия профессионального образования и эффективного трудоустройства. В частности, решением проблемы молодежной безработицы является сетевое взаимодействие органов власти, органов местного самоуправления, промышленных предприятий и субъектов системы образования в реализации целенаправленной профессиональной подготовки кадров. Для примера, эффективным инструментом такого взаимодействия является цифровизация по пути социальных преобразований в Северной Европе. Так, глобальным центром технологий и стартапов является Швеция, реализующая Национальную стратегию цифровизации³⁷, направленную на стимулирование использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) гражданами с низким уровнем дохода и образования, а также на отдаленных территориях; на поддержку применения цифровых технологий в школах в качестве одного из инструментов обучения, увеличение количества курсов по ИКТ и анализу данных в рамках высшего образования; на внедрение цифровых технологий в предоставлении услуг служб по обеспечению занятости среди молодежи и уязвимых групп населения.

Для арктических регионов в рамках диверсификации экономики актуальны вопросы развития малого и индивидуального предпринимательства. В этом аспекте интересен опыт Норвегии, власти которой в целях снижения зависимости от традиционных отраслей активно участвуют в поддержке инновационной активности предпринимательского сектора: 90 % расходов в структуре затрат на инновационные разработки приходится на сферу услуг и обрабатывающую промышленность [24, с. 14]. Среди инструментов такого участия — государственная программа стимулирования исследований и разработок в промышленности и торговле SkatteFUNN, программа коммерциализации исследований FORNY и университетские фонды. Необходимо отметить, что целью такого участия является не поддержка бизнеса для выживания, а именно развитие бизнеса [25, с. 67–68]. Другой пример — Россия, в Арктической зоне которой

³⁴ Доклады о социально-экономической ситуации в Надымском районе. URL: <https://nadyam.yanao.ru/activity/11498/> (дата обращения: 05.12.2021).

³⁵ Меры поддержки МСП в ЯНАО помогли сохранить 3,5 тыс. рабочих мест во время пандемии. URL: <https://tass.ru/ural-news/11432501> (05.12.2021).

³⁶ Информация Управления занятости населения Мурманской области о движении рабочей силы на рынке труда Мурманской

области в 2020 году. URL: https://murman-zan.ru/cms_data/usercontent/regionaleditor/комитет%202016/ан_м_атериалы/pres%2012%2020.pdf (дата обращения: 04.11.2021).

³⁷ OECD Reviews of Digital Transformation: Going Digital in Sweden. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/oecd-reviews-of-digital-transformation-going-digital-in-sweden_9789264302259-en#page1 (дата обращения: 07.11.2021).

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

действует Федеральный закон РФ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» [26, с. 8; 27, с.

15], в соответствии с которым в Мурманской области установлены налоговые льготы для резидентов АЗРФ (табл. 2).

Таблица 2

Налоговые льготы для резидентов АЗРФ на территории Мурманской области

Вид налоговой льготы	Ставка
<i>Льготная ставка налога на прибыль</i>	
Региональная ставка	18 %
Для резидентов АЗРФ	5 % — первые пять лет 10 % — последующие пять лет
<i>Льготная ставка налога на имущество</i>	
Региональная ставка	12 %
Для резидентов АЗРФ	0 % — первые пять лет 1,1 % — в последующие пять лет
<i>Льготные условия для налогоплательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения</i>	
Региональная ставка	В 2020–2022 гг. в качестве меры поддержки бизнеса в период пандемии COVID-19: «доходы минус расходы» — 5 % «доходы» — 1 %
Для резидентов АЗРФ	«Доходы минус расходы» — 5 % первые три года, 10 % последующие три года; «Доходы» — 1 % первые три года, 3 % последующие три года

Примечание. Источник: Северное сияние: что может предложить IT-компаниям «арктический пакет» льгот в Мурманской области? URL: <https://app2top.ru/pravo/severnoe-siyanie-chto-mozhet-predlozhit-it-kompaniyam-arkticheskij-paket-l-got-v-murmanskoj-oblasti-189445.html> (дата обращения: 14.12.2021).

На территории Мурманской области представлена самая низкая среди регионов Российской Федерации ставка социальных страховых взносов для субъектов МСП, являющихся резидентами АЗРФ, — 3,75 %; среди других преимуществ — лояльное отношение к компаниям, использующим упрощенную систему налогообложения, возможность получения статуса резидента АЗРФ индивидуальными предпринимателями³⁸, предоставление земельных участков без торгов, возможность применения процедуры свободной таможенной зоны на оборудованных участках резидентов АЗРФ. Сегодня³⁹ в Мурманской области зарегистрировано 80 резидентов АЗРФ (в 2020 г. объем инвестиций составил 150 млрд руб.), проекты которых предполагают создание более 2,5 тыс. новых рабочих мест.

Заключение

Оценка влияния современной кризисной ситуации, вызванной пандемией COVID-19, на арктические рынки труда циркумполярных стран показала, что ее последствия оказали негативное влияние на показатели

занятости и безработицы: снижение экономической активности в ориентированных на потребительский спрос отраслях арктических экономик привело к сокращению числа субъектов малого предпринимательства и ИП, спродуцировав рост социальной напряженности на локальных рынках труда — рост безработицы молодежи и женщин (основную сферу занятости которых формируют субъекты МСП и бюджетный сектор). Создавшаяся ситуация стала угрозой безопасности жизнедеятельности в Арктике, обозначив новые требования к функционированию секторов территориальных экономик и отраслей социальной сферы.

Пандемия COVID-19 показала, что в рамках обеспечения устойчивого развития арктических регионов (в том числе в условиях необходимости диверсификации арктических экономик и снижения социальной напряженности на локальных рынках труда) остается актуальной роль государства именно в *развитии* малого и среднего предпринимательства в Арктике, дискомфортность жизнедеятельности в которой значительно ограничивает возможности

³⁸ Северное сияние: что может предложить IT-компаниям «арктический пакет» льгот в Мурманской области? URL: <https://app2top.ru/pravo/severnoe-siyanie-chto-mozhet-predlozhit-it-kompaniyam-arkticheskij-paket-l-got-v-murmanskoj-oblasti-189445.html> (дата обращения: 14.12.2021).

³⁹ Резиденты АЗ построят в Мончегорске банный комплекс, в Мурманске — пункт аренды грузовиков. URL: <https://www.hibiny.com/news/archive/250058/> (дата обращения: 14.12.2021).

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

развития такого рода предпринимательства, в том числе за счет повышенных затрат на ведение бизнеса.

Практическая значимость проведенного исследования состоит в том, что его основные выводы направлены на обоснование роли государства в регулировании ситуации на рынках труда регионов российской Арктики и актуализации мер регулирования занятости, что определяет

перспективность дальнейших авторских исследований в отношении формирования соответствующих предложений и рекомендаций по адаптации арктических рынков труда в условиях высшей степени развития эпидемических процессов, в том числе с учетом современных обострений международной ситуации.

Список источников

1. Skufina T. and Baranov S. The impact of the COVID-19 crisis on the economies of the Russian Arctic regions // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. 2021. 678. 012045. DOI: 10.1088/1755-1315/678/1/012045
2. Skufina T., Baranov S. and Samarina V. Statistical evaluation of the COVID-19 crisis impact on the economy of the Russian Arctic // Ad Alta-Journal of Interdisciplinary Research. 2021. No. 11 (1). P. 41–45.
3. Hilmola O.-P., Lähdeaho O., Henttu V. and Hilletoft P. Covid-19 Pandemic: Early Implications for North European Manufacturing and Logistics // Sustainability. 2020. No. 12. P. 8315. DOI: 10.3390/su12208315
4. Ide A. Tourism and ICT Solutions in the COVID-19 Era: A Comparison between Japan and Sweden // The Review of Socionetwork Strategies. 2021. No. 15. P. 195–211. DOI: 10.1007/s12626-021-00072-x
5. Cook D. and Jóhannsdóttir L. Impacts, Systemic Risk and National Response Measures Concerning COVID-19 — The Island Case Studies of Iceland and Greenland // Sustainability. 2021. No. 13(15). P. 8470. DOI: 10.3390/su13158470
6. Смирнов А. В. Влияние пандемии на демографические процессы в Российской Арктике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 6. С. 258–274. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.15
7. Petrov A., Welford M., Golosov N., DeGroot J., Degai T. and Savelyev A. Spatiotemporal dynamics of the COVID-19 pandemic in the arctic: early data and emerging trends // International Journal of Circumpolar Health. 79 : 1. 1835251. DOI: 10.1080/22423982.2020.1835251
8. Слепцов А. Н., Потравная Е. В. Влияние пандемии коронавируса на жизнь арктических регионов в оценках населения // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 144–147. DOI: 10.31857/S013216250009621-6
9. Скуфьина Т. П., Корчак Е. А., Баранов С. В. Химеры прошлого и навигация по новейшим условиям развития, рискам и возможностям управления российской Арктикой // Арктика и Север. 2021. № 43. С. 45–76. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.43.45
10. Корчак Е. А. Пандемия COVID-19 в российской Арктике: некоторые социально-экономические итоги 2020 г. // Арктика: экология и экономика. 2021. Т. 11, № 3. С. 353–361. DOI: 10.25283/2223-4594-2021-3-353-361
11. Renewing the Social Contract: Economic Recovery in Canada from COVID-19. URL: https://rsc-src.ca/sites/default/files/Econ%20PB_EN_3.pdf.
12. The Impact of COVID-19 on Canada's Territorial Economies. URL: https://www.miningnorth.com/_rsc/site-content/library/economics/COVID-19%20-%20Economic%20Analysis%20-%202020-10-30.pdf.
13. Economic Impact of COVID-19 on Tourism and Business in the Northwest Territories. URL: https://www.iti.gov.nt.ca/sites/iti/files/survey_results_-_economic_impact_of_covid-19_on_tourism_and_business.pdf.
14. Finland: road to recovery after COVID-19. URL: <https://www.oecd.org/sdd/its/Finland-COVID-Report-May-2021.pdf>.
15. Tiirinki H., Tynkkynen L.-K., Sovala M., Atkins S., Koivusalo M., Rautiainen P., Jormanainen V. and Keskimäki I. COVID-19 pandemic in Finland — Preliminary analysis on health system response and economic consequences // Health Policy Technology. 2020. No. 9 (4). P. 649–662. DOI: 10.1016/j.hlpt.2020.08.005
16. Ursin G., Skjesol I. and Titterer J. The COVID-19 pandemic in Norway: The dominance of social implications in framing the policy response // Health Policy and Technology. 2020. Vol. 9, issue 4. P. 663–672. DOI: 10.1016/j.hlpt.2020.08.004
17. Nordic Economic Outlook 2020. Annual report on the economic development in the Nordic countries in terms of growth, business cycles and public finance. DOI: 10.6027/temanord2020-542. URL: <https://www.government.is/library/Files/Nordic%20Economic%20Outlook%202020.pdf>.
18. The economic impacts of COVID-19 on Alaska's visitor industry. URL: https://www.alaskatia.org/wp-content/uploads/ATIA-COVID-Impacts-on-Visitor-Industry-6_3_21.pdf.
19. Lemieux Th., Milligan K., Schirle T. and Skuterud M. Initial Impacts of the COVID-19 Pandemic on the Canadian Labour Market // Canadian Public Policy. 2020. Vol. 46, no. S1. P. S55–S65. DOI: 10.3138/cpp.2020-049

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

20. The potential impacts of COVID-19 on local labour markets. URL: <https://www.oecd.org/cfe/leed/Norway.pdf>.
21. The COVID-19 pandemic and regional economic resilience in Northern Finland, Norway and Sweden. URL: https://www oulu.fi/sites/default/files/content/files/THE%20COVID-19%20PANDEMIC%20AND%20THE%20REGIONAL%20ECONOMIC%20RESILIENCE%20IN%20NORTHERN%20FINLAND%20AND%20NORWAY%20AND%20SWEDEN_0.pdf.
22. Arbetsmarknaden under coronapandemin. URL: https://www.scb.se/contentassets/ee4862d70fb74f90883465c12f0751ef/am0401_2021a01_sm_am110sm2101.pdf.
23. Alaska Economic Trends Magazine. 2020. Vol. 40, no. 12. P. 18. URL: <https://labor.alaska.gov/trends/dec20.pdf>.
24. Грицунова С. В., Седых Ю. А., Михненко Т. Н. Сравнительная оценка уровня распространения цифровых технологий в предпринимательском секторе в России и зарубежных странах // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 7. С. 10–16. DOI: 10.17513/vaael.1774
25. Столярова Е. Модели цифровизации европейских стран с малой открытой экономикой // Банковский вестник. 2020. № 11 (688). С. 60–72.
26. Баттахов П. П. Предпринимательская деятельность в арктических регионах России // Аграрное и земельное право. 2021. № 9 (201). С. 8–11. DOI: 10.47643/1815-1329_2021_9_8
27. Самончик О. А. Особенности правового регулирования предоставления земельных участков для предпринимательской деятельности в Арктической зоне России // Аграрное и земельное право. 2021. № 1 (193). С. 14–19. DOI: 10.47643/1815-1329_2021_1_14

References

1. Skufina T., Baranov S. The impact of the COVID-19 crisis on the economies of the Russian Arctic regions. *IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science*, 2021, 678, 012045. DOI: 10.1088/1755-1315/678/1/012045
2. Skufina T., Baranov S., Samarina V. Statistical evaluation of the COVID-19 crisis impact on the economy of the Russian Arctic. *Ad Alta-Journal of Interdisciplinary Research*, 2021, no. 11 (1), p. 41–45.
3. Hilmola O.-P., Lähdeaho O., Henttu V., mHilletoft P. Covid-19 Pandemic: Early Implications for North European Manufacturing and Logistics. *Sustainability*, 2020, no. 12, p. 8315. DOI: 10.3390/su12208315
4. Ide A. Tourism and ICT Solutions in the COVID-19 Era: A Comparison between Japan and Sweden. *The Review of Socionetwork Strategies*, 2021, no. 15, pp. 195–211. DOI: 10.1007/s12626-021-00072-x
5. Cook D., Jóhannsdóttir L. Impacts, Systemic Risk and National Response Measures Concerning COVID-19 — The Island Case Studies of Iceland and Greenland. *Sustainability*, 2021, no. 13 (15), p. 8470. DOI: 10.3390/su13158470
6. Smirnov A. V. Vliyanie pandemii na demograficheskie processy v Rossijskoj Arktike [The impact of the pandemic on demographic processes in the Russian Arctic]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2021, vol. 14, no. 6, pp. 258–274. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.15
7. Petrov A., Welford M., Golosov N., DeGroot J., Degai T., Savelyev A. Spatiotemporal dynamics of the COVID-19 pandemic in the arctic: early data and emerging trends. *International Journal of Circumpolar Health*, 79 : 1, 1835251. DOI: 10.1080/22423982.2020.1835251
8. Sleptsov A. N., Potravnaya E. V. Vliyanie pandemii koronavirusa na zhizn' arkticheskikh regionov v ocenках naselenija [The impact of the coronavirus pandemic on the life of the Arctic regions in the assessments of the population]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2020, no. 7, pp. 144–147. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009621-6
9. Skufyina T. P., Korchak E. A., Baranov S. V. Himery proshlogo i navigaciya po novejsim usloviyam razvitiya, riskam i vozmozhnostyam upravleniya rossijskoj Arktikoj [Chimeras of the Past and Navigation through the Latest Development Conditions, Risks and Opportunities for Managing the Russian Arctic]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2021, no. 43, pp. 45–76. (In Russ.). DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.43.45
10. Korchak E. A. Pandemija COVID-19 v rossijskoj Arktike: nekotorye social'no-jekonomicheskie itogi 2020 g. [The COVID-19 pandemic in the Russian Arctic: some socio-economic results of 2020]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2021, vol. 11, no. 3, pp. 353–361. (In Russ.). DOI: 10.25283/2223-4594-2021-3-353-361
11. Renewing the Social Contract: Economic Recovery in Canada from COVID-19. Available at: https://rsc-src.ca/sites/default/files/Econ%20PB_EN_3.pdf.
12. The Impact of COVID-19 on Canada's Territorial Economies. Available at: https://www.miningnorth.com/_rsc/site-content/library/economics/COVID-19%20-%20Economic%20Analysis%20-%202020-10-30.pdf.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

13. Economic Impact of COVID-19 on Tourism and Business in the Northwest Territories. Available at: https://www.iti.gov.nt.ca/sites/iti/files/survey_results_-_economic_impact_of_covid-19_on_tourism_and_business.pdf.
14. Finland: road to recovery after COVID-19. Available at: <https://www.oecd.org/sdd/its/Finland-COVID-Report-May-2021.pdf>.
15. Tiirinki H., Tynkkynen L.-K., Sovala M., Atkins S., Koivusalo M., Rautiainen P., Jormanainen V. and Keskimäki I. COVID-19 pandemic in Finland — Preliminary analysis on health system response and economic consequences. *Health Policy Technology*, 2020, no. 9 (4), pp. 649–662. DOI: 10.1016/j.hlpt.2020.08.005
16. Ursin G., Skjesol I. and Tittertc J. The COVID-19 pandemic in Norway: The dominance of social implications in framing the policy response. *Health Policy and Technology*, 2020, vol. 9, issue 4, pp. 663–672. DOI: 10.1016/j.hlpt.2020.08.004
17. Nordic Economic Outlook 2020. Annual report on the economic development in the Nordic countries in terms of growth, business cycles and public finance. DOI: 10.6027/temanord2020-542. Available at: <https://www.government.is/library/Files/Nordic%20Economic%20Outlook%202020.pdf>.
18. The economic impacts of COVID-19 on Alaska's visitor industry. Available at: https://www.alaskatia.org/wp-content/uploads/ATIA-COVID-Impacts-on-Visitor-Industry-6_3_21.pdf.
19. Lemieux Th., Milligan K., Schirle T. and Skuterud M. Initial impacts of the COVID-19 Pandemic on the Canadian Labour Market. *Canadian Public Policy*, 2020, vol. 46, no. S1, pp. S55–S65. DOI: 10.3138/cpp.2020-049
20. The potential impacts of COVID-19 on local labour markets. Available at: <https://www.oecd.org/cfe/leed/Norway.pdf>.
21. The COVID-19 pandemic and regional economic resilience in Northern Finland, Norway and Sweden. Available at: https://www oulu.fi/sites/default/files/content/files/THE%20COVID-19%20PANDEMIC%20AND%20THE%20REGIONAL%20ECONOMIC%20RESILIENCE%20IN%20NORTHERN%20FINLAND%20AND%20NORWAY%20AND%20SWEDEN_0.pdf.
22. Arbetsmarknaden under coronapandemin. Available at: https://www.scb.se/contentassets/ee4862d70fb74f90883465c12f0751ef/am0401_2021a01_sm_am110sm2101.pdf.
23. *Alaska Economic Trends Magazine*, 2020, vol. 40, no. 12, p. 18. Available at: <https://labor.alaska.gov/trends/dec20.pdf>.
24. Gritsunova S. V., Sedykh Yu. A., Mikhnenko T. N. Sravnitel'naja ocenka urovnja rasprostraneniya cifrovyyh tehnologij v predprinimatel'skoj sektore v Rossii i zarubezhnyh stranah [Comparative assessment of the level of dissemination of digital technologies in the business sector in Russia and foreign countries]. *Vestnik Altajskoj akademii jekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2021, no. 7, pp. 10–16. (In Russ.). DOI: 10.17513/vaael.1774
25. Stolyarova E. Modeli cifrovizacii evropejskih stran s maloj otkrytoj jekonomikoj [Models of Digitalization of European Countries with Small Open Economy]. *Bankovskij vestnik* [Bank Gazette], 2020, no. 11 (688), pp. 60–72. (In Russ.).
26. Battakhov P. P. Predprinimatel'skaya deyatel'nost' v arkticheskikh regionah Rossii [Entrepreneurial activity in the Arctic regions of Russia]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and Land Law], 2021, no. 9 (201), pp. 8–11. (In Russ.). DOI: 10.47643/1815-1329_2021_9_8
27. Samonchik O. A. Osobennosti pravovogo regulirovaniya predostavleniya zemel'nyh uchastkov dlya predprinimatel'skoj deyatel'nosti v Arkticheskoy zone Rossii [Peculiarities of legal regulation of land allocation for entrepreneurial activity in the Arctic zone of Russia]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and Land Law], 2021, no. 1 (193), pp. 14–19. (In Russ.). DOI: 10.47643/1815-1329_2021_1_14

Об авторе:

Е. А. Корчак — канд. экон. наук, доц., ведущий научный сотрудник

About the author:

Elena A. Korchak — PhD (Economics), Associate Professor, Leading Researcher

Статья поступила в редакцию 9 марта 2022 года

Статья принята к публикации 28 марта 2022 года

The article was submitted on March 9, 2022

Accepted for publication on March 28, 2022